

УДК 321

**Политические элиты и массы. М. Салтыков-Щедрин.
Рассуждения по поводу проекций в современный
политический дискурс**

Скиперских Александр Владимирович

Доктор политических наук,
профессор кафедры философии,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Свердлова, д. 13, кв. 27;
e-mail: pisatels@mail.ru

Аннотация

В данной статье речь идёт о том, насколько актуально в современном российском политическом процессе содержание диспозиции элиты/массы, в своё время иносказательно представленной русским писателем М. Салтыковым-Щедриным в сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». По мнению автора, онтологический характер данной оппозиции сохраняется и применительно к современной России, приобретая специфические черты в современном политическом дискурсе.

Ключевые слова

Власть, дискурс, легитимность, повседневность, политическая элита, правящий класс, оппозиция.

«Коли видели: висит человек
снаружи дома, в ящике
на веревке, и стену краской
мажет, или по крыше
словно муха ходит –

это он самый я и есть!» –
отвечал мужик.

«Повесть о том, как один мужик
двух генералов прокормил»

М. Салтыков-Щедрин

Проблема взаимодействия политической элиты и массы может получать развитие не только в дискурсе политической науки. Особенности отношений между субъектами политического процесса, обеспечивающими сохранность цикла власти, периодически становятся предметом неподдельного литературного интереса. Вместе с тем это совершенно не означает, что увлечение художественным началом способно завуалировать непосредственный контекст подобной оппозиции. В доказательство убедительности художественных литературных средств, подтверждающих существующие в политической науке законы циркуляции элиты и её бытия, нами приводится «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» М. Салтыкова-Щедрина, где иносказательно затрагивается повседневная жизнь политической элиты.

В данной статье автор попытается рассуждать о том, как политически обусловленная повседневность, в которую включены генералы – герои сказки, выступает содержанием политического цикла власти.

Определение содержания политического цикла власти, его восприятия, целиком и полностью становится проблемой социального статуса

познающего субъекта. Как мы видим, мужик – сильный и находчивый, отважный и рискованный – не имеет возможности превозмочь наличествующие стереотипы восприятия генералов как таковых. Существующие культурные коды не способны подвергнуться каким-либо значительным изменениям и сбоям.

Подобная проблема интересовала философов с момента появления политических практик власти, предложивших строгие, непреодолимые дихотомии господин / раб. Ещё Аристотель приписывал рабу наличие особой, «рабской» психологии, а Г. Гегель подробно объяснял содержание оппозиции раба и господина, делая акцент на существовании особых типов сознания, нуждающихся в другом сознании, легитимирующего фактический статус и сознание «другого». В принципе, большинство теоретических схем как раз и сводятся к тому, что раб, получая свободу, не достигает свободы своего самосознания, в постижении реальности продолжая руководствоваться теми же мотивами, которые некогда связывали и предопределяли его выбор в условиях фактической физической несвободы. Состояние несвободы, определённым образом нагружающее тело раба, фор-

мирует вполне адекватную картину самого себя в мире в сознании раба. Освобождение тела, возможность его выхода за рамки конкретного политического локуса, бывает для раба так неожиданно, что несёт в себе некие эффекты опустошения, некую экзистенциальность. Но вместе с тем ощущение подобного «свободного полёта» не может быть постигнуто рабом ввиду существования мощнейшего прессинга со стороны такого морализатора и поводыря, как самосознание, по-прежнему остающегося рабским.

Автор демонстрирует, что генералы, заброшенные на остров, совершенно не сомневаются в собственном привилегированном статусе, следуя гегельянской теоретической конструкции, будучи уверены в существовании «другого» сознания, способного постоянно удостоверять и репрезентировать их элитарность. Легитимность собственной позиции достигается за счёт Другого, конструктивно констатирующего и утверждающего справедливость текущего положения дел.

М. Салтыков-Щедрин замечает, что «служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре». Наряду с безусловной ироничностью данного замечания, в нём присутствуют вполне очевидные для тех времён практи-

ки. Повседневность, преодолеваемая генералами, метафоризируется конкретными практиками: сном, чтением газет, рассуждениями, спорами и выяснением отношений друг с другом. Повседневность является довольно компактной, прописываясь по адресу регистратуры и генеральских квартир. Замкнутость повседневности, воспринимающейся как весьма скучной и бесстрастной, редуцируется малым количеством социальных функций, осуществляемых генералами. Вообще бытие правящих элит как закрытой социальной группы и должно рассматриваться как обусловленное системой ограничений и фильтров. Специфические условия подобного камерного бытия способствуют проявлению в политических практиках элит значительной рутины, характеризующей работу бюрократа в целом как служителя административно-чиновничьей вертикали. Т. Парсонс однажды заметил, что рутинной является то, «что делается даже не по привычке, а без «искры»¹. В данном смысле точка зрения Т. Парсонса объясняет эмоциональное состояние генералов – творцов конторской по-

1 Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2002. – С. 182.

вседневности. Действительно: в чтении газет, обедах и сне вряд ли можно найти и прочувствовать какой-либо нерв. Поэтому генералы в сказочной повести порождают политический текст, не окрашенный эмоционально.

Военная служба, констатирующая принадлежность к военной элите, является родовым, генетическим нарративом. Как и мужик, обслуживающий генералов, принадлежит к закрытой социальной страте, так и социальная мобильность генералов также обусловлена довольно жёсткими, рамочными условиями. Весь жизненный цикл военной элиты привязывается к конкретным дискурсам. Наряду с существующими ограничениями, блокирующими доступ генералов к процессу принятия и реализации ключевых политических решений государственной важности, тем не менее генералам обеспечен доступ к другим благам. Принадлежность к высокой социальной страте позволяет им пользоваться определёнными благами, некими продуктами, результирующими колоссальными усилиями эксплуатируемых страт. Обеспечение генералов продуктами труда является для мужика таким же нарративом, каким для генералов является служба как таковая. Поэтому М. Салтыков-Щедрин нам

любезно предоставляет примеры находчивости мужика/раба, спешащего удовлетворить высокую планку ожиданий политической элиты.

В сказочной повести чувствуется акцент, сделанный автором на проблему соотношения численности политической элиты и обычных граждан. Большое количество чиновничьего аппарата, генеральской элиты в армии и сотрудников аппарата администраций на местах в России являлось характерной чертой российской политики, вне зависимости от исторического времени. И теперь складывается ощущение, что два генерала в расчёте на одного мужика – это соотношение, удивительно близкое к фактическому положению дел в современных политических практиках.

В период существования СССР бюрократический аппарат был также непомерно большим. Это отражалось на внимании к нему со стороны интеллектуалов, заявлявших о данной проблеме на своём особом, «эзоповом» языке. Стоит вспомнить известный фильм Э. Рязанова «Служебный роман», где герои работают в статистическом управлении, функции которого выглядят по меньшей мере странными. Статистическая служба обеспечивает работой большое количество

сотрудников данного учреждения, довольно часто забывающих про служебные обязанности и использующих рабочее место в качестве территории, где продолжается их повседневность. Разумеется, данная проблема не могла не быть отмеченной и политическими штудиями, в ряде интересных работ².

О. Крыштановская связывает проблему высокой численности чиновников в России в целом с существованием большого количества центров власти, каждый из которых устроен иерархически, что и предполагает его обрастание номенклатурой, оформляющейся в связи с «текущей политической конъюнктурой либо персональным фактором»³.

В случае, когда существует большое количество дискурсов, выступающих своеобразными инкубаторами элит, достаточно сложно говорить о том, что проблема увеличения численности чиновничьего аппарата может быть когда-либо решена. Красноречивым свидетельством этого является заявление Б. Грызлова о том,

что «административная реформа в плане сокращения численности чиновников провалилась»⁴. Остановить рост чиновничьей массы – это значит существенно ослабить функциональность центров власти, которые, по сути дела, выступают важнейшими стержневыми и несущими конструкциями, обеспечивающими государственную легитимность. Как справедливо отмечает О. Крыштановская, «государство включает в себя все наиболее значимые институты политической власти и управления. Поэтому служащие государства являются главной политической силой общества. Они и есть политический класс, пронизывающий общество сверху донизу: ведь управленческие уровни государства доходят до самого низа – муниципалитетов».

По иронии судьбы, пропорция 2:1 М. Салтыкова-Щедрина оказалась ярким свидетельством завидных провиденциалистских способностей. Скажем, настанут времена, когда такое соотношение не будет представляться чем-то удивительным и безобразным одновременно. Говоря о современной России, определённым образом можно вспомнить о данной пропорции и

2 Следует отметить, в частности, работы: Афанасьев М. Клиентелла в России вчера и сегодня // Политические исследования. – 1994. – №1; Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991.

3 Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – С. 45.

4 Максимизирующий бюрократ // Русский репортёр. – 2010. – №23 (151). – С. 34.

о том, насколько она действительно справедливо наполняется. Так, следуя данным Федеральной службы государственной статистики РФ, начиная с 2000 года (то есть с приходом к власти В. Путина) количество федеральных и региональных чиновников, а также чиновников, занятых в органах местного самоуправления, в России неуклонно росло. Если на 2000 год их количество составляло чуть более 1 млн 160 тыс. человек, то к концу двух президентских сроков их количество увеличилось до 1 млн 670 тыс. человек. Прошедшие 2 года президентства Д. Медведева пусть и минимально, но снова отметились увеличением количества чиновничьего класса на 4 тыс. человек⁵.

Ситуация в российской армии также подтверждает, что существует огромный аппарат армейских чиновников, получающих невиданного размера преференции, по большому счёту за счёт своих уступчивых диалектических оппонентов – солдат. Сытая, красочная повседневность военной элиты в России может быть обеспечена только лишь при условии наличия лишений и кризисов, испытываемых их диалектическими оппозиционе-

рами. Так, А. Политковская в работе «Putin's Russia» приводит достаточное количество примеров, когда бесправие солдат (по сути дела – рабов) достигает совершенно непостижимых форм и пределов, порой стоящих жизни молчаливым, нерелефторным терпилам⁶.

Автор отнюдь не случайно иногда «увлекается» гастрономическими темами разговоров генералов. Языковая картина мира элиты, раскрываемая в сказочной повести, отчётливо свидетельствует о существовании огромных привилегий. Было бы лишним проводить здесь анализ гастрономического петербургского текста, разрешаемого М. Салтыковым-Щедриним в ряде примеров, посвящающих нас в особенности повседневной жизни элит, в дискурс их застолий и праздничной кутерьмы. Перечисление блюд, упоминавшихся в газетах, найденных генералами на острове, вряд ли вызовет здоровый читательский аппетит. Но использование контент-анализа, воз-

5 Численность чиновников в России // Профиль. – 2010. – №27. – С. 12.

6 В частности, в работе А. Политковской есть пример про дачу генерала, на которой несколько солдат, высвобождённых от службы в воинской части, выкапывали бассейн. Такая работа стоила некоторым из них жизни, когда внезапно обвалилась земля. Подробнее об этом см.: Politkovskaya A. Putin's Russia. – London: The Harvill Press, 2004. – 302 p.

можно, могло бы обеспечить доказательство смелых исследовательских гипотез, пытающихся проникнуть в мистическое пространство автора, в сакральный сумрак бессознательного.

Институт армии не оказывает заметного влияния на политические процессы в современной России, но тем не менее это не мешает ему развиваться и претерпевать значительные количественные изменения. В интервью изданию «Русский Newsweek» министр обороны РФ А. Сердюков заметил, что до его назначения соотношение офицерского и солдатского состава в российской армии было 50/50: «Когда мы стали анализировать, что это за офицеры, выяснилось – высший состав, не ниже подполковника. И среди них подавляющее большинство не только не имело боевого опыта, но даже опыта командования подразделениями и частями», – удивляется министр обороны РФ⁷. Автору данной работы подобное соотношение кажется по меньшей мере странным и лишённым каких-то рациональных объяснений.

Подобные процессы происходят и в других дискурсах, что позволя-

ет говорить как о характерной примете конкретного исторического времени, так и о приоритетах внутренней кадровой политики в целом. Неспособность эффективно и рационально разрешать умножающиеся вызовы социальной реальности порождает наиболее простую рефлексию российского правящего класса. Конкретное проблемное поле «закрывается» определённым количеством чиновников, призванных минимизировать издержки и преодолеть сложившуюся ситуацию. По мере её разрешения обратного процесса (экскорпорации) не происходит. Сформированный институт остаётся в политической системе, даже если (а так происходит в большинстве случаев) его реальная функциональная способность оставляет желать лучшего.

Данные процессы происходят на фоне ухудшающихся социальных и экономических показателей в современной России в целом. Если предположить, что численность населения России год от года снижается, то вполне логично представить уменьшение количества «мужиков» – тех, в чьём сознании происходит отражение чиновничьего класса, а также его права на регламентацию повседневности. Численный баланс между паразитирующим административным аппара-

⁷ Сердюков А. Я был обескуражен объёмами воровства // Русский Newsweek. – 2010. – №41 (308). – С. 22.

том и рабочим классом становится всё более незначительным, что не может не вызывать справедливой тревоги. В конце 2010 года правящий режим наконец-то озвучил это в речи Д. Медведева по поводу нехватки в России рабочих средних специальностей и соответствующих образовательных учреждений, подготавливающих их. Тело власти не могло не заметить вызовов собственной легитимности.

В принципе можно согласиться с такой констатацией факта, если бы не уверенная поступь постиндустриальной эпохи в России, высвобождающей рабочую силу с акционированных предприятий – тяжеловесов советской индустрии. Рабочий класс теряет свою ядерную массу, да и при этом происходит трансформация образа «мужика», со времён, описанных М. Салтыковым-Щедриным, претерпевшего значительные коррекции.

Автор сказочной повести проявляет значительную прозорливость, акцентируя внимание на формах услуг, осуществляемых мужиком. Нам снова мерещатся силуэты постиндустриальной эпохи, завязанной на росте потребления услуг, оказываемых высвобождёнными с индустриальных предприятий людскими ресурсами. Вспомним, как «мужичина» в сказоч-

ной повести М. Салтыкова-Щедрина изловчился даже в пригоршне варить суп. Разве это не напоминает находчивость людей в условиях постиндустриального времени, ради молчаливого обеспечения бытия правящего класса, умудряющихся оказывать самые невероятные услуги! Требования нового времени требуют высокой скорости принятия решений. Темпы социальной мобильности существенно возрастают, потому как только частое изменение социальных статусов и профессиональных профилей способно обеспечить благосостояние в новой социальной реальности. Содержание, наверное, любой современной газеты объявлений позволяет нам лишний раз удостовериться в правоте собственных рассуждений.

Своевременное появление готового продукта/услуги, безусловно, свидетельствует о существовании отрепетированной схемы, согласно которой принуждение «сверху» на «выходе» обеспечивает реальный, содержательный текст, порождаемый эксплуатируемым классом. Очевидно, что мужик в сказочной повести функционально перегружен, что, впрочем, не мешает власти с его помощью прирастать капиталом, приобретать быструю маржу. Обратим внимание на

параллель с современной политической практикой, когда основная часть доходов большого количества россиян ежемесячно уходит на оплату обязательств перед фискальными институтами. Тело подобных рабов ещё достаточно выносливо и совершенно безропотно выносит громоздкое фискальное бремя. Скажем, нередки случаи, когда взятый в банке кредит отдаётся россиянами вдвойне, а то и гораздо выше ссуженной суммы. Но странная в условиях тотального обнищания к 2010 году платёжеспособность народных масс, полностью переключившихся на расчёты по кредитным обязательствам, наверное, выглядит не такой уж и удивительной по сравнению с теми формами, к которым приходится прибегать для выполнения обязательств перед властью.

Отсюда – функциональная перегруженность мужика и появление неких, довольно значительных по времени, временных ниш для бюрократического класса, чётко осведомлённого о собственных правах и обязанностях. В сказочной повести генералы сосредотачивают в своих руках только одну функцию – управленческую, что на самом деле тесным образом корреспондирует с реальными политическими практиками, справедливо

отражая конкретную политическую повседневность.

С одной стороны, проблема численности правящего класса остаётся таковой вплоть до настоящего времени, по сути дела не подвергаясь каким-то смелым ревизиям со стороны новой власти, осуществляющей процедуры легитимации. Более того, стремление власти обрасти бюрократическим аппаратом может быть объяснимо в контексте сохранения самой позиции власти, ради пролонгирования её жизненного цикла. Сохраняя бюрократию, а в ряде ситуаций и не препятствуя её разрастанию и численному укрупнению, власть решает проблему собственной легитимности. Дефиниция правящего режима ставится в зависимость от бюрократического аппарата, от политических элит. Их благоденствие также начинает связываться с политической стабильностью в конкретной локальности, что и позиционирует их как ревностных защитников существующего порядка.

Ситуация с проблемой разрастания административной элиты в современной России является неразрешённой. Не вселяют какого-либо оптимизма и существующие тренды, демонстрирующие прирост численности чиновничьего класса. А это

означает, что находчивость и изворотливость массы, на плечи которой ляжет бремя обеспечения этой огром-

ной армии, будут только приобретать новые, совершенно удивительные и непостижимые формы.

Список литературных источников

1. Афанасьев М. Клиентелла в России вчера и сегодня // Политические исследования. – 1994. – №1.
2. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991.
3. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
4. Максимизирующий бюрократ // Русский репортёр.– 2010. – № 23 (151). – С. 34.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2002. – 880 с.
6. Сердюков А. Я был обескуражен объёмами воровства // Русский Newsweek. – 2010. – № 41 (308). – С. 22.
7. Численность чиновников в России // Профиль. – 2010. – № 27. – С. 12.
8. Politkovskaya A. Putin's Russia. – London: The Harvill Press, 2004. – 302 p.

Political elites and masses. M. Saltykov-Shchedrin. Discourse concerning perspectives to modern political discourse

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich

Doctor of political sciences,

Professor of the department of philosophy,

Yelets State University named after I.A. Bunin,

P.O. box 399770, 13/27 Sverdlova st., Yelets, Lipetsk region, Russia;

e-mail: pisatels@mail.ru

Abstract

The question of this article is to what extent is it actual in modern Russian political developments to upkeep of elite/mass, in due course allegorically introduced by the Russian author M.Saltykov-Shchedrin in his fairy tale "Story of how one man fed two generals". The author argues that the ontological nature of the opposition persists in relation to modern Russia, acquiring the specific features of modern political discourse.

Keywords

Power, discourse, legitimacy, everyday life, political elite, ruling class, opposition.

Bibliography

1. Afanas'ev, M. (1994), Clientella in Russia yesterday and today. Political researches [*Klientella v Rossii vchera i segodnya // Politicheskie issledovaniya*], No. 1.
2. Voslenskii, M. (1991), Nomenclature. Dominant class of the Soviet Union [*Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuz*], Moscow.
3. Kryshchanovskaya, O. (2005), Anatomy of Russian elite [*Anatomiya rossiiskoi elity*], Zakharov, Moscow, 384 p.
4. Maximizing bureaucrat. Russian reporter (2010), [*Maksimiziruyushchii byurokrat // Russkii reporter*], No. 23 (151), p. 34.
5. Parsons, T. (2002), On the structure of social actions [*O strukture sotsial'nogo deistviya*], Akademicheskii proekt, Moscow, 880 p.
6. Serdyukov, A. (2010), I was discouraged by the extent of thieving. Russian Newsweek [*Ya byl obeskurazhen ob'emami vorovstva // Russkii Newsweek*], No. 41 (308), p. 22.
7. Number of bureaucrats in Russia. The profile (2010), [*Chislennost' chinovnikov v Rossii // Profil'*], No. 27, p. 12.
8. Politkovskaya, A. (2004), Putin's Russia, The Harvill Press, London, 302 p.